

УДК 792 244 (09)

Н. В. Николаенко

К ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ ИЗ КРЫМА

ПОЭЗИЯ И ФИЛОСОФИЯ Б.ПОПЛАВСКОГО (1920 – 1935 гг.)

Рассмотрены этические и литературные приоритеты Б.Поплавского. Обозначены проблемные вопросы и цели дальнейшего исследования.

Ключевые слова: эмиграция, самоопределение, воплощение, сомнение.

Известному ученому Н.А. Струве принадлежит меткое замечание, что как явление русская эмиграция 1919–1920 гг. исчерпала свою миссию и теперь представляет собой объект всестороннего изучения. Внук Петра Бернгардовича Струве, он посвятил свою жизнь литературной критике и издательскому делу, а ныне всемерно поддерживает европейских и отечественных историков, настоятельно подчеркивая, что история эмиграции до сих пор является малоизученным и недостаточно разработанным предметом (при очевидной актуальности темы).

Это замечание, прежде всего, относится к персоналиям по тем или иным мотивам практически неизвестным на родине. Среди них значится Борис Юлианович Поплавский, высокоценный знатоками поэт и философ. Имя это связано и с Крымом, что придает дополнительный интерес к жизни и творчеству талантливого эмигранта.

До сих пор единственным классическим трудом по истории русской эмиграции является книга «Россия за рубежом» М.Раева. Имя Поплавского, однако, упоминается в ней лишь трижды (причем дважды в строку с иными молодыми литераторами). Автор ограничивается сожалением, что подававший большие надежды Поплавский (умер совсем молодым), не раскрыл

всех граней своего поэтического дарования. Отметим, что основные труды, посвященные творчеству Поплавского, принадлежат перу зарубежных исследователей (Э.Менегальдо – докторская диссертация, 1981 г. – из самых значительных; также Л.Аллен, подготовивший в 1993 г. к изданию основные тексты Б.Поплавского). Именно Л.Аллен отметил, что полностью оправдался былой диагноз Н.Бердяева в отношении поэта: «Кризис современной души есть, прежде всего, кризис личности».

Через 90 лет после Великого Исхода и через 65 лет после трагической гибели Б.Поплавского этот вывод приобретает особое наполнение и незаурядную пронизательность.

Борис Поплавский был в ранней юности вывезен отцом из России, причем дважды: первый раз ненадолго (вернулись в Крым, как только ушли красные), второй раз уже навсегда. И снова Константинополь, но уже в мае 1921 г. семья переехала во Францию. Крымские впечатления практически не нашли отражения в творчестве Поплавского, но любопытно, что именно в Симферополе, в любительском альманахе «Радио» (1920 г.) состоялся дебют поэта стихотворением «Герберту Уэллсу». (Известно лишь одно раннее стихотворение Б. Поплавского, озаглавленное «О трагической смерти Государя Императора»). Следующее свое

творение он опубликует через несколько лет в Париже, сочиняя стихи и прозу до последних своих дней. (Б. Поплавский прожил тридцать два года) [1 с. 462-465].

О Поплавском написано много. Он вел активную жизнь, общался со многими известными лицами русской эмиграции в Берлине и Париже, и они поспешили впоследствии зафиксировать эти встречи на бумаге. О значении его творчества размышляли известные критики и философы. Свои заметки оставили Гайто Газданов [2], Николай Татищев [3], Юрий Фельзен [4], Эммануил Райс [5], Юрий Терапиано [6], Василий Яновский [7] и другие, среди которых Владислав Ходасевич [8] и Николай Бердяев [9]. Поплавский запомнился всем, кто имел с ним даже мимолетные встречи. Ими отмечаются исключительная одаренность этого человека, высокий внутренний полет и редкая музыкальность его сочинений.

Необычное построение стихотворной архитектуры, резкие контрасты и гиперболы, размашистые импрессионистские мазки в прозе выдавали в нем художника. Иногда создается полная иллюзия, что Поплавский работал не пером, а кистью или резцом. Поэт страдал болезнью незавершенности своих произведений, доходя в работе до исступления, грозящего погубить созданное, но, к счастью, часто попросту оставлял свои стихи, что, в конечном счете, и позволило нам их иметь.

Поплавский не обладал постоянством. Склонность к экспериментированию прочно и надолго взяла верх. Внешне все выглядело хаотично. Он учится живописи, изучает теософию, восточные мистические учения, историю религий. Поэт отвергает даже намек на личную устроенность посредством получения диплома и служебного места, обреченно ищет то, что принципиально не приносит жизненных благ, ибо «удаваться и быть благополучным мистически неприлично». Журнал «Числа»,

опубликованные стихотворения, фрагменты первого романа «Аполлон Безобразов» [10], различные статьи - все воспринималось им столь же мистически, как и собственные мысли, т. е. как живые существа («его мистическая жизнь бывала полна пугающих противоречий»). Его единственная прижизненная книга носит название «Флаги» [11], где «гениально вдохновленный русский мальчик», по словам Георгия Адамовича [12], лишь наметил контуры своей будущей жизни в искусстве. Ощущение беспредельной внутренней свободы, приоритет личности, жажда духовных исканий, право на независимость публичных суждений в преломлении к современной российской истории находили выход лишь в одной формуле: «Если Россия все-таки пройдет мимо личности и свободы... мы никогда не вернемся в Россию». Воспринимая реальность исключительно через искусство, он стремился к большей интенсивности восприятия (зачастую доходя до экстаза), но в отношении большевизма его позиция была непоколебима.

В быту Поплавский удивлял подчеркнутой эксцентричностью: скажем, его увлеченные занятия спортом раздражали очень многих. Не фехтование, не скачки, не увлекательные автомобильные гонки, а почему-то именно атлетическая гимнастика и бокс, т. е. что-то откровенно цирковое, почти вульгарное. Поплавский постоянно и сверх меры демонстрировал окружающим свои возможности в поднятии тяжестей, находя, безусловно, в этом какой-то противовес постоянным интеллектуальным исканиям и тревогам. Лишив себя обычных пороков, помогавших отвлечься или успокоиться на время, он откровенно нуждался в физических нагрузках, и детские комплексы слабого подростка получили в этом свое наполнение.

Отношения с женщинами приняли у поэта странный характер, природу которого не сумел разгадать и он сам: колебания от возвышенных отвлеченностей до низменных страстей были

оглушительны. Он мечтал о постоянстве и бежал от него, как от позорной слабости, презирая себя. Многие зависело от наличия денег - воспитанный в достатке, перенеся первые лишения стойко и бодро, Поплавский постоянно мучился в Париже собственной бедностью: «Нищета казалась ему позорной... Нищета есть бессилие, скованные руки, голос, уже не слышимый, гложущий на расстоянии аршина, голос, которому больше не послушен мир. Нищета есть грех, расплата и бессилие».

Теоретически Поплавский был сверхмодной фигурой. Резкие смены настроений, переменчивость в занятиях и взглядах, лихорадочные бессонные ночи в монпарнаских кафе и перед листом бумаги и бесконечные вполне бесцельные прогулки - типичный стиль представителя богемы. Но Поплавский был еще талантлив и отчаянно бесприютен. Его одиночество было особенным, почти совершенным («О, одиночество, ты всегда со мною, как болезнь сердца, которой не помнишь, которую не чувствуешь, и вдруг останавливается дыхание, как одиночная камера, которую всюду ношу с собой...»), а знания, иногда интуитивные, об окружающем мире значительно превосходили общеизвестный уровень. Неудовлетворенность жизнью и собой гнала его мысль по замкнутому кругу, и выходом являлся лишь внешний порыв, бегство в нечто новое и неизведанное, по существу - в никуда. («Розов вечер, розы пахнут смертью»...). И Поплавский этот путь отыскал, рассчитавшись с видимой бесполезностью бытия.

Однажды он сказал: «В часы сомнений следует думать о том, что каждое произведение имеет своего читателя, хотя бы одного». Неустроенный, отчаянно нуждавшийся и просто голодавший, существуя на «шомажные» гроши («Черные ужасы с шомажем» - из дневника за несколько дней до смерти), он, по выражению Э. Раиса, «жил так, как следовало жить гению - творца, мысля, участь, работая над собой». Второй

роман Бориса Поплавского носит глубоко символическое название «Домой с небес» [13]. Человек высокой культуры и обширных познаний, Поплавский был неутомим в поисках новых откровений, которые каким-то магическим, ему одному ведомым образом являлись на этом трудном пути – домой с небес.

Романы Б. Поплавского поражают своей сложностью, экспрессивной манерой постановки «вечных» вопросов, нестандартным разрешением житейских хитросплетений, философской нагрузкой, эстетической проблематикой. Легкость городских пейзажей соседствует с острой болезненной восприимчивостью героя, как бы живущего вне обычного общества, но жаждущего не только общения и понимания, но и признания. Трагедия человека, вырванного из естественной среды обитания, но не только не стремящегося что-то устроить, но и постоянно развивающего этот отрыв, умышленно разрывающего эту дистанцию до падения в настоящую пропасть - вот внутренняя канва, определяющая поведение героя. Он живет с чувством непреходящей тревоги, в ожидании событий, могущих так или иначе изменить горестную судьбу скитальца. Житейская неприкаянность основательно искалечила психику героя, но он этого не замечает и живет «как все» - не будучи таковым. Самообман усугубляется длительными размышлениями над отвлеченными предметами, что создает иллюзию загруженности и полезной деятельности. Редкие прозрения героя тем более трагичны и тем лихорадочнее бегство в спасительный мир интеллектуальных исканий, чем упоеннее предается он саморазрушающим оргиям создания собственного мира символов в надежде обрести заветный и таинственный ключ истины.

Герой не разменивается на мелочи, он стремится к абсолютным высотам. Зачем ему это? Что будет с ним в случае разрешения своих проблем (!) или отказа от борьбы? Эти вопросы

тревожат его, он в пути, и, кажется, догадывается о бесплодности своих сверхусилий. Не может не догадываться, но не может и повернуть назад: страшно перечеркнуть прошлую боль и тревогу, еще страшнее очутиться в пустоте. Он справедливо полагает, что, «не пройдя пустыню отрицания, человек был бы осужден на вечное несовершенство, пребывание в сумерках младенческой полуверы, полулицемерия»...

Попытки переиначить основы существования, видоизменить его в надежде обрести элементарные рамки завершаются провалом: «И вот опять... один, один лицом к лицу с раскаленным белым небом одиночества. И снова с утра принимается он сопротивляться тоске». Путешествие домой с небес не удалось, «снова отказавшись от широкой дороги, он вступал на трагическую тропинку отшельничества, избранничества, одиночества...». Приходит понимание ошибки, состоявшей, думается, не в том, что не сумел, а в том, что пытался суметь: «О, ты опять нахамил Богу, и без него попытался жить, тяжело, тупо, клоунски ударился лицом о землю». Осмысление одиночества наполняет героя не просто чувством безмерной оторванности, но и богоизбранности, исключительности. Его переполняют гордость, он высказывает предположение, что Бог боится его, ужасается его храбрости и чувствует «грозное, напряженное, как сталь, облако божественной ревности над собою...». Этот возвышенный полет недолог, и уже другое облако, разочарования и упадка, поджидает героя. Не помогут заклинания - «Будь твердым, твердым, твердым... Крепче, суровее, будь холоднее», - не принять герою «каменную законченность», ибо он не нечувствителен, совсем нет. И не сумеет ни сменить внешнюю оболочку, ни облечь переживания в стройную систему.

Поплавский пытался жить так, как мыслил. Пытался оформить мысль и воплотить в действие. Эта попытка рождала гениальные строки,

тревожащие своими страстями. Но как только Поплавский возобновлял попытки земного благоустройства, все исчезало, и сам он в конце концов начинает понимать бесплодность этих усилий: «Подумай только... Выдержал бы твой дух иную судьбу, иную жизнь, построенную не на сплошном отказе от воплощения, проявления-реализации, не на шомаже, непечатности, нищете, эмиграции, а на знаменитости, счастье, деньгах и власти...» Нет, иная, напряженная жизнь духа - путь поэта. Вечно реющий над его пустыней дух есть высшая награда, достойная героя. Земля не приняла его, вместо пустоты он нашел высшее счастье «великой нищеты, полной тишины абсолютной ночи». Эту тишину, эту абсолютность Поплавский выстрадал, вырвал и воспринял. Он определенно избран: «Ты... из числа заживо замурованных. С разных сторон неба две звезды горят над твоей одиночной камерой. Звезда самоубийства и звезда подвижничества, - и это твоя дорога, дорога сильнейших, храбрейших мужей...».

Это не пустые слова. Их у Поплавского вообще, кажется, нет. Он содержателен. Кажется вдруг, что вот есть попытка слегка пококотничать, приложить платок к сухим глазам, но - нет, все правда и все очень просто. Эта исключительная способность ощущения простоты в деталях, в изысканных пассажах была дарована свыше. Ю.Терапиано заметил, что Поплавский, «по существу, был первым и последним русским сюрреалистом». Музыкальность, самобытность и мощь самовыражения без границ выделяли произведения Поплавского из общего ряда. А полное понимание своей исключительности и резкое противостояние с действительностью усиливали мистицизм поэта. Быть обреченным на одиночество и жаждать дружбы, быть нелюбимым и боготворить саму возможность любви, творить в келье и жестоко страдать от безобразий жизни, не умея противостоять им и

боротся (ибо Поплавский полагал, что борьба с несовершенством мира и безобразиями приводит лишь к их умножению) - вот нелегкий путь героя. Но если и любовь, то трагическая, лишь она «имеет историю, как только та вода подает голос, свободному течению которой поставлено препятствие».

Ему очень необходим был тот самый читатель, «хотя бы один». Смирившись с безызвестностью, ограничив круг общения, сведя бытовые запросы к минимуму, он не пожелал смирить гордыню. Отдаляясь тем самым на время от Бога, он, однако, предвостительно заметил: «Время твое настанет только тогда, когда до основания разрушенный мир все-таки придется строить заново, ибо духом человек интересуется нехотя и с горя, и только отчаянием можно его обернуть к Божественному...». Многими современниками отмечалось, что у Поплавского было видение, что он знал «нечто», «он видел то, чего на свете нет» (Анна Присманова), и это видение распространялось не только на окружающий мир, но и на себя (может, прежде всего!), и потому он точно знал, хотя высказал лишь в форме предположения, что «только после смерти в мирах иных, в столь знакомых мирах ослепительных снов и кошмаров, вспыхнет, взорвется вся твоя сдавленная золотая сила...» Таким вот, «величественным и старомодным», *неспособным к самопринуждению*, по собственному определению, являлся этот столь известный (но не отечественному читателю) русский поэт и прозаик, оставивший миру гениальные творения.

Жизнь безразличной Франции и неведомой взрослому Поплавскому России прошла мимо («... как пронзали мне сердце старые довоенные вальсы из немецких опереток, под которые я так тосковал гимназистом на бульварах и катках, совершенно одинокий, слабый, плохо одетый, лишенный знакомых»). Знарок Достоевского, Чехова и Блока, поклонник Рембо, Элюара,

Аполлинера, музыкант и художник, он не принимал жизнь вне творчества, создавал свой мир, сам выбирал свой путь и был героем для себя. Отдав сердце и ум двум достойным и подлинным страданиям - поэзии и религии, он стойко нес разлуку с человеком и разлуку с Богом («превратив в два вида самоистязания»). Г.Газданов многозначительно заметил, что Поплавский понимал гораздо больше, чем нужно, а любил меньше, чем следовало любить. Думается, однако, что это его любили меньше, чем следовало, и не сумели уберечь, а надо бы, если учесть, что понимал он действительно больше многих. И потому столь горек упрек И. Зданевича, что эмиграция не только ничего не могла ему дать, но и взяла у него все, что сумела [14]. Поплавский ярко представлял то самое «незамеченное поколение» (по определению Вл.Варшавского), которое, за редким исключением, не находило поддержки у признанных мастеров: «В эмигрантском обиходе молодые поэты и писатели пришлось не ко двору» [15].

Ну а Россия? «Домой с небес» - это не только с высот Олимпа, не только с Монпарнаса. Авторская версия с участием Чехова (голосом Сони из «Дяди Вани») звучит грустно и иронично: «Будем работать... Будем жить, жить, жить... А потом бросим их всех, уедем на Урал, на завод, за которым сразу лесная пустыня, магнитные скалы... Будем ходить рваные... Хорошо... Рваные среди рваных. Научимся говорить на блатном жаргоне... Ах, Россия, Россия... Домой с небес... Домой из книг, из слов, из кабацкого испитого высокомерия». Известно, что существовала идея отъезда Поплавского в Россию вслед за невестой (репрессированной по приезде на родину). Наверное, этот вариант - вслед за любимой женщиной - был единственно возможным для него. Как хорошо видел поэт издали («рваные среди рваных», блатной

жаргон вместо языка), но все, казалось, лучше суесловия, - и как невозможно заблуждался!

Несомненно, внешние обстоятельства наложили сумрачный отпечаток на жизненную философию Поплавского. И суть не только и не столько в отрыве от корней, сколько в бедственных условиях его эмигрантского существования. Замечание В.Варшавского, что «страшнее бедности была отверженность», значительно, но чуть больше денег, элементарного комфорта, в идеале определенного и прочного достатка, чуть больше внимания и участия окружающих, т. е. внешнего проявления уважения к нему, и воззрения поэта были бы несколько иными. Ничего ни потеряв в страдании («Поэзии и Религии»), он ощутил бы преимущество обретенного достоинства. Обреченность Поплавского состояла в том, что лишь чувство состоятельности (житейской и творческой) могло подарить столь необходимое присутствие достоинства, которого катастрофически не доставало. Не жажда испытаний, тревог, подвижничества вела поэта, а несчастные обстоятельства. Беззащитным и юным начал он в эмиграции свой путь. Непреодолимая

бесконечная униженность заставляла замыкаться и вязнуть в «дряблой паутине» самоанализа. В конечном счете, он попросту не захотел сносить мерзости и безобразия бытия, в избытке выпавшие на его долю, не захотел терпеть: «Как тяжок мир, как тяжело дышать. Как долго ждать». (Поэт не успел, как Г. Адамович, добавить: «Ну, вот и кончено теперь. Конец, как в мелодраме, грубо и уныло».) Осознав, что дороги с небес для него нет, он в отчаянном, восхитительном по силе и точности порыве создает последний шедевр - завершающие страницы романа и растворяет в них свою мечту небожителя.

Крест изгнания Поплавский нес мудро и стойко, не запятив его ни ложным примирением, ни бесплодной мстительностью. «Уход из Ялты» - так называется одно из его немногих стихотворений - воспоминаний о родине. Лишь в 1965 г. оно было опубликовано в Париже (в сборнике «Дирижабль неизвестного направления»).

Поэт внезапно и незаметно ушел в неведомое, оставив тайну. Прикосновение к этой тайне, к загадке Бориса Поплавского, но только прикосновение - наша цель.

Источники и литература

1. Газданов Г. О Поплавском / Г. Газданов. // Современные записки, 1935, №59, с. 462-465.
2. Татищев Н. Синяя тетрадь (в кн.: Татищев Н. «Письмо в Россию». Париж (без года издания), с. 151-154). Несколько его статей о Поплавском было напечатано в разных журналах: «Борис Поплавский. Поэт самопознания» («Возрождение», 1965, №165); «Поэт в изгнании» («Новый журнал», 1947, №15); «О Поплавском» (альманах «Круг», 1938, №3).
3. Фельзен Ю. Поплавский / Ю. Фельзен. // Круг, 1936, №1. - с. 172-176.
4. Райс Э. О Борисе Поплавском / Э. Райс. // Грани. 1979, №114 - с. 156-167.
5. Терапиано Ю. Борис Поплавский (в кн.: Терапиано Ю. «Встречи». Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953, с. 112-117).

6. Яновский В. Елисейские поля (альманах «Воздушные пути». Нью-Йорк, 1967, №5, с. 175-200) Этот очерк позднее был включен Яновским в его книгу «Поля Елисейские». Книга памяти. - Нью-Йорк: «Серебряный век», 1983.

7. Ходасевич В. О смерти Поплавского (в кн.: Ходасевич Владислав. Литературные статьи и воспоминания. - Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954, с. 233-242).

8. Бердяев Н. По поводу «Дневников» Б. Поплавского / Н. Бердяев. // Современные записки, 1939, №68, с. 441-446.

9. Роман «Аполлон Безобразов» (Париж, 1926-1932) печатался в «Числах» (1930, №2-3; 1931, №5) и в «Опытах» (1953, №1; 1955, №5; 1956, №6;. Опубликовано В. Крейдом в журнале «Юность» (1991, №1, 2). Впервые полностью (в порядковой последовательности глав) по рукописи, заслуга сохранения которой принадлежит Н. Д. Татищеву и К. Д. Померанцеву, опубликован в сборнике «Домой с небес» (Санкт-Петербург: Изд-во «Logos» - Дюссельдорф: Изд-во «Голубой всадник». 1993 / Сост. Л. Аллен, -Лилль, Франция). В сборнике также впервые полностью публикуется роман «Домой с небес», ранее известный фрагментарно.

10. «Флаги» (Париж: Изд-во журнала «Числа», 1931). Георгий Иванов в рецензии на сборник стихов воскликнул: «Силу «Нездешней радости», которая распространяется от «Флагов» - можно сравнивать безо всякого кощунства с впечатлением от симфоний Белого и даже от стихов о Прекрасной Даме» («Числа», 1931, №5, с. 233). Критик М. Цетлин подчеркивал (несмотря на ряд негативных замечаний), что талантливость поэта «не возбуждает сомнений, вероятно, это самое большое поэтическое дарование, появившееся за последние годы» («Современные записки», 1931, с. 503-505).

11. Адамович Г. Трос (в кн.: «Одиночество и свобода». Нью-Йорк, 1955; Санкт-Петербург: Изд-во «Logos», 1993, с. 144-156); «Комментарии» (Вашингтон: Изд-во Камкин) и др.

12. «Домой с небес» (Париж, 1934-1935) - второй роман Б. Поплавского, вторая часть задуманной трилогии (третий роман «Апокалипсис Терезы» остался незавершенным из-за смерти автора). В. Крейдом отмечается определенная связь между началом работы над романом и временем написания стихотворения «Домой с небес» (опубликовано в журнале «Встречи», 1934, №3). Отрывки из романа печатались в альманахе «Круг» (№1, 2, 3. 1936, 1937, 1938).

13. Зданевич И. Ильязда / И. Зданевич. // Синтаксис, 1986, №16, с. 165-169.

14. Варшавский В. С. Незамеченное поколение / В.С. Варшавский. - Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. – 324 с.

Анотація. Розглянуті етичні і літературні пріорітети Б. Поплавського. Визначені проблемні питання та мета подальшого дослідження.

Ключові слова: еміграція, самовизначення, втілення, сумнів.

Summary. Ethics and literary priorities B. Poplavsky are considered problem questions and aims of further research are marked.

Keywords: emigration, selfdetermination, embody, doubt.